

Мудрость любви.

“Алеша Бесконвойный” В.М.Шукшина на уроках внеклассного чтения в 10 классе.

Есть на Руси еще один тип человека, в котором время, правда времени вопиет также неистово, как в гении, также нетерпеливо, как в талантливом, так же потаенно и неистребимо, как в мыслящем и умном... Человек этот — дурачок.

В.М.Шукшин “Нравственность есть правда”

“Алеша Бесконвойный” (1972 г.) — это один из последних рассказов В.М.Шукшина о чудиках, людях с чудинкой, которая выражается прежде всего в какой-то почти невероятной для обыкновенного деревенского жителя озабоченности общими вопросами бытия, обостренном чувстве ответственности за судьбы мира (“Микроскоп” и “Миль пардон, мадам”) и красоты (“Мастер”). Чудик всегда чувствует свою причастность жизни всеобщей, и потому он всегда враг обывателя, не способного понять взаимосвязь всего сущего, отрешенного от бытия бытом. Чудик всегда “болен” какой-то мыслью, недоступной другим, он всегда — одиночка. Таков и Алеша Бесконвойный из одноименного рассказа. Но если Семка Рысь (“Мастер”) познает правду, как художник, пытаясь открыть для себя и других идею Красоты, а Андрей Ерин (“Микроскоп”) бросает вызов Злу, как “ученый-исследователь”, то Алеша — философ, постигающий Смысл жизни.

Алеша — чудной философ. “Никто бы не поверил, что Алеша серьезно вдумывался в жизнь: что в ней за тайна, надо ее жалеть, например, или можно помирать спокойно — ничего тут такого особенного не осталось?” Действительно, для людей “ответственных”, обличенных властью, чей голос слышится в призывах “не позволять себе такие вещи”, как субботняя баня, он “дурачка из себя строит”, для деревенских баб — циркач, “акробат”, даже для жены он — генетически, по роду и крови, странный человек, как и покончивший с собой его брат, для сына он — заурядный неудачник, деревенский скотник и пастух.

Драма Алеши, как и всех чудиков, драма фатального непонимания. В рассказе есть только один человек, разделяющий его мысли и думы, только один человек, не смеющийся над его удивительной потребностью “взлететь”, хотя бы в мыслях, “высоко-высоко — и оттуда глядеть на землю...” Этот человек — автор. Его голос так часто сливается с голосом героя, что кажется, что Шукшин пишет если не о себе, то о том, кого очень хорошо знает, чей взгляд на мир ему понятен и дорог. В сущности рассказ

развивается как постепенное сближение героя и автора, яснее, чем герой, осознающего свою противопоставленность окружающим.

Сама повествовательная позиция автора-рассказчика включает в себя и взгляд стороннего наблюдателя и соучастника происходящего, причем в начале рассказа доминирует первая, а в финале вторая. Рассказ начинается с объективирующего полупренебрежительное отношение к герою сообщения: “Его и звали-то — не Алеша, он был Костя Валиков, но все в деревне звали его Алешей Бесконвойным”. Само построение фразы задает вопрос: почему так называют героя и только ли “редкой в наши дни безответственностью и неуправляемостью”, о чем сообщается ниже, можно объяснить это прозвище?

Любопытно, что само народное имя героя ассоциируется с юродством его натуры. Невольно вспоминается сюжет о блаженном Алексее — человеке Божиим. Эта ассоциация поддержана эпитетом к этому имени “преподобный”, намекающем на возможность его толкования как имени, данного при постриге. В сущности Алеша — отшельник, живущий не в ските, а среди людей. Возможность такой интерпретации подтверждается и выбором сюжета, в основе которого рассказ о том, как герой топил баню. “В субботу он топил баню. Все. Больше ничего. Накалял баню, мылся и начинал париться. Парился, как ненормальный, как паровоз, по пять часов парился!” — вот внешняя канва сюжета, представляющая ситуацию. За внешней обыденностью и телеграфной лаконичностью объяснения, почему в субботу Алеша не работал, кроется скрытая от повествователя, но явная автору интертекстуальная аллюзия. Баня — это не просто физиологическая потребность, это ритуал духовного очищения и обновления, имеющий древние и сугубо национальные истоки. Именно так была она воспринята апостолом Андреем Первозванным в изложении первой русской летописи “Повести временных лет”: “И пришел [апостол Андрей — прим. авт. ст.] к славянам, где нынче стоит Новгород, и увидел живущих там людей — каков их обычай и как моются и хлещутся, и удивился им. И отправился в страну варягов, и пришел в Рим, и поведал о том, как учил и что видел, и рассказал: “Удивительное видел я в Славянской земле на пути моем сюда. Видел бани деревянные, и разожгут их докрасна, и разденутся и будут наги, и обольются квасом кожевненным, и поднимут на себя прутья молодые и бьют себя сами, и до того себя добьют, что едва вылезут, чуть живые, и обольются водою студеною, и только так оживут. И творят это всякий день, никем же не мучимые, но сами себя мучат, и то совершают омовенье себе, а не мученье” [перевод Д.С.Лихачева]¹. Алеша Бесконвойный превращает бытовое действие в сакральное, помывку в омовение. Это очень хорошо понимает автор,

¹ Повести Древней Руси XI — XII века. — Л., 1983. — С. 126 — 127.

его речь вбирает в себя речь героя, точнее растворяется в ней, фиксируя единение мировосприятия и мировидения одного и другого.

Показательно в этом смысле описание “рождения” субботы в душе героя: “Погода стояла как раз скучная — зябко было, сыро, ветрено — конец октября. Алеша такую погоду любил. Он еще ночью слышал, как пробрызнул дождик — постукало мягко, дробно в стекла окон — и перестало. Потом в верхнем правом углу дома, где всегда гудело, загудело — ветер заладил. И ставни пошли дергаться. Потом ветер поутих, но все равно утром еще потягивал — снеговой, холодный”. При пристальном взгляде на это описание становится ясно, что сначала Шукшин объективирует привычное и типовое сознание (“погода скучная”, “сыро, зябко”), подчеркнув, что Алеша смотрит на мир иначе, необыкновенно, если не сказать, поэтически, так как мы можем вспомнить пушкинские строчки из философско-элегической “Осени” (“Октябрь уж наступил...”):

Унылая пора! очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса —
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса,
В их сенях утра шум и свежее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И редкий солнца луч, и первые морозы,
И отдаленные седой зимы угрозы.

И с каждой осенью я расцветаю вновь;
Здоровью моему полезен русский холод;
К привычкам бытия вновь чувствую любовь;
Чредой слетает сон, чредой находит голод;
Легко и радостно играет в сердце кровь,
Желания кипят — я снова счастлив, молод,
Я снова жизни полн — таков мой организм
(Извольте мне простить ненужный прозаизм).

Как ни странно кажется такое сближение Пушкина и Алеши Бесконвойного, но оно объяснимо вовсе не достаточно случайными совпадениями (октябрь в элегии Пушкина и октябрь в рассказе Шукшина, “унылая пора” и “скучная погода” и т. д.), дело в другом: и Пушкин и Бесконвойный (может быть, потому еще он и бесконвойный) парадоксально воспринимают окружающее (“расцветают” осенью), и Пушкин и Бесконвойный “к привычкам бытия вновь чувствуют любовь”, и тот и другой “полны жизни”. И даже

стилистическое “ерничанье” Пушкина в финале второй из процитированных строф чем-то схоже с “юродством” Алеши.

Поэтическая одаренность, неординарность героя роднит его с автором и с величайшим из русских поэтов. Шукшин чувствует как Алеша Бесконвойный, а не наоборот — Алеша, как Шукшин, и они оба — как Пушкин. Не случайно в речи автора мы угадываем алешины интонации (“пробрызнул дождик”, “постукало мягко”, “ветер налачился”), не случайно пушкинский восторг ощущается в заключительной реплике автора — “ветер ... еще потягивал — снеговой, холодный”.

Подобный “слияний” голосов автора и героя в рассказе множество: вместе с героем автор восклицает: “Какой желанный покой на душе, Господи!” или “... такой будет Ташкент в лесу, такой аромат от этих веток, такой вольный дух, черт бы его побрал, — славно!” — разделяя с ним радость происходящего. Внутренний монолог героя “обретает вес” полноты истины, поддержанный голосом автора; авторская точка зрения в прозе чаще всего и воспринимается как абсолютно объективная и истинная, в отличие от точки зрения рассказчика. Тем драматичней оказывается финал: “Баня кончилась. Суббота еще не кончилась, но баня уже кончилась”. Это уже не просто нейтральная констатация факта, необходимая автору, чтобы поставить точку в рассказе, это отчетливо слышимая горечь прощания с праздником души в шукшинском его понимании, праздником, понятым как переживание красоты и осмысленности мира и жизни.

Показательно, как при постепенном сближении автора и героя выявляется пропасть, разделяющая автора и всех, для кого Алеша смешон и чудаковат. В начале рассказа может создасться впечатление, что Шукшин на стороне повествователя искренне недовольного поведением и манерами героя (“Нет. между прочим, насчет дурачка — я ведь тоже... дам в лоб разок. <...> Ты мне — оскорбление словом, я тебе — в лоб: считается взаимность”) Кажется, что он разделяет негодование носителя “русского языка” таким примитивным понимаем справедливости (“Вот и поговори с ним.”). Кажется, ему тоже, как и деревенским бабам, “смех смотреть” на причуды придурковатого Алеши (“Бесконвойный он и есть... Алеша.”). Кажется, и он согласен с теми, кто предупредил жену Алеши Таисью, что муж ее едва ли не сумасшедший, который в состоянии аффекта может сделать что угодно. Но вчитываясь в рассказ, мы замечаем, как “ироничное” отношение к Алеше односельчан и близких вызывает у автора раздражение. Ему знакомо и дорого столь оберегаемое Алешей состояние, когда “всякое вредное напряжение совсем отпускает”, когда “мелкие мысли покидают голову” и “вселяется в душу некая крупность, ясность”, и потому для него тоже, как и для Алеши, “общественная баня” [гротескный образ общественной жизни — прим авт. ст.] — “недоразумение какое-то”, причем в

сравнении с напряженностью работы мысли Алеши *недо-Разумение* в самом, что ни на есть, буквальном значении.

В наиболее резкой форме противопоставленность Алеши окружающим проявляется в его отношениях с женой, причем в этом противопоставлении Шукшин всецело на стороне героя, что видно по нарастающей иронии автора в отношении к Таисье. Если сначала нам может показаться, что автор в какой-то степени понимает ее терпение выкрутасов супруга и даже оправдывает скрытое за молчаливостью недовольство, то затем мы видим, как Шукшин от нейтрального ее изображения (“Жена Таисья молчком открыла ящик, усунулась под крышку...”) переходит к откровенно уничижительному, акцентируя внимание читателя на двуплановости авторского слова. Весьма выразительна реакция Таисьи на прочитанный Алешей детский стишок дочери: “Жена откачнулась от ящика, посмотрела на Алешу... Какое-то малое время вдумывалась в его слова, ничего не поняла, ничего не сказала, усунулась опять в сундук, откуда тянуло нафталином”. Авторское отношение проявилось в лексическом повторе глагола-новообразования с резко выраженной оценочной функцией “усунулась” и в упоминании запаха нафталина, которым подчеркивается вещественность, приземленность интересов Таисьи. Знак ее мира — это сундук, ее мир — это мир дневной суеты и бытовых забот, куда не проникает свет духовности мужа. Таисье никогда не вырваться из плена вещественного мира, она никогда не испытывает того, чего достигает Алеша: “Был он весь новый, весь парил”. Опять шукшинская игра словом: от Алеши парит, потому что он только что из бани, и он парит, духовно возносясь над мельтешеньем вседневных хлопот.

К концу рассказа проясняется и второй, важнейший, смысл эпитета “преподобный”. Алеша, в отличие от окружающих, как священнослужитель, как святой подвижник соприкасается с миром вечных абсолютных истин, постигая красоту мира. Баня для него — священнодействие. “В субботу он [Алеша] просыпался и сразу вспоминал, что сегодня — суббота. И сразу у него распускалась в душе тихая радость. Он даже лицом светлел”. В субботу душа Алеши распускается как цветок и лицо преображается в “светлый лик”, именно это определение иконописных образов обыгрывает Шукшин, характеризуя состояние героя.

Субботняя баня — это момент самопознания, познания мира и себя в нем, без нее жизнь Алеши была бы бесцветна. День строится как поэтапная смена устойчивых ритуальных действий, организованных особым образом, поэтому Шукшин неоднократно помечает: “Это дорогая минута”, “это тоже очень волнующий момент”. Сначала в действиях Алеши все обыкновенно: он выбирает поленья получше, душистей, натаскивает воды в котел, моет баню и растапливает ее, иными словами делает все то же, что и другие,

но как-то по-особенному, тщательно и с любовью. Но смысл всех этих действий не только в том, чтобы растопить баню, а том, чтобы высвободить силы души для созерцания и размышления (“Алеша всегда много думал, глядя на огонь”, “он подолгу внимательно смотрел на кого-нибудь”). Тайна жизни влечет Алешу неудержимо. О чем же думает герой: о рождении, жизни и смерти, постигает сокровенный, идеальный смысл Любви (об этом история “крепдешиновой Али”), размышляет о подлинной и мнимой культуре, явленной в человеке, наконец, об искусстве. Алеша учится принимать жизнь, “не суетиться перед клиентом”, учится любить и любить осознанно “степь за селом, зарю, летний день...”, детей. “Стал случаться покой в душе — стал любить”. “Покой в душе” — следствие глубинного и любовного проникновения в смысл бытия. Этого-то покоя в душе нет у окружающих, в сущности не замечающих жизни и ее красоты. Алеша же Бесконвойный еще и потому, что нет и не может быть границ и ограничений его пытливой душе и разуму, потому, что не может он довольствоваться прописными истинами, удовлетворяющими всех, если они не осмыслены, не пропущены через себя.

Эта-та пытливость сердца и разума, неумный поиск истины дороги Шукшину в герою и возвышают его над жизнью, примиряя с ней. Не случайно, первая реплика Алеша в рассказе — это вызов общепринятым нормам, а последняя (“Ладно”) — это согласие с естественными и будничными требованиями жизни. Но после субботней бани все становится ладным, все делается в ладу с собой и миром, согретым теперь осознанным чувством любви.

Рассказ “Алеша Бесконвойный” — это панегирик человеческому стремлению познать тайну жизни, познать Красоту и Любовь. Изучать его целесообразно на уроках внеклассного чтения в 10 классе после разбора повести Н.С.Лескова “Очарованный странник”, так как, несмотря на внешнюю бессобытийность судьбы Алеша Бесконвойного, в отличие от судьбы вечного странника Ивана Северьяныча Флягина, шукшинского героя роднит с лесковским “очарованность души” красотой, стремление жить в согласии с собой и миром, талант бескорыстной любви и неиссякаемая вера в осмысленность бытия. Век XIX-ый и век XX-ый перекликаются в изображении самых, может быть, сокровенных свойств национального характера, являющих себя в таких неординарных людях, как Флягин и Бесконвойный.

Конечная цель изучения рассказа В.М.Шукшина на уроках литературы — вызвать читательскую симпатию к герою, основанную на понимании сокровенной глубины его внутренней жизни — объясняется самим движением замысла от недоумения повествователя перед безответственной “неуправляемостью” героя к присоединению автора к позиции героя и оправданию его высотой духовных устремлений.

Разбор рассказа в классе может протекать в форме комментированного чтения с элементами беседы и подробным анализом отдельных фрагментов рассказа, например, экспозиции или двух бань, алешиной и общественной. Для активизации обсуждения учащимся могут быть предложены следующие вопросы:

— Какие чувства вызывает у вас герой рассказа в начале и в конце повествования? Изменилось ли ваше отношение к нему?

— Разделяет ли автор отношение окружающих к Алеше или нет? Как это проявляется в стилистике повествования?

— Как вы понимаете смысл названия рассказа? Бесконвойный — это порицание или похвала?

— Как меняется душевное состояние Алеши при подготовке бани?

— Почему Шукшин фокусирует наше внимание именно на подготовке к бане и практически не описывает сам процесс помывки?

— Случайно ли или нет автор сюжетобразующей основой сюжета сделал баню?

— Чем становится баня для героя? Почему он так яростно отстаивает право на субботу?

— Какое из размышлений или воспоминаний особенно дорого Алеше и почему?

— Почему Алеша называет Алю “крепдешиновой”? [Отвечая на этот вопрос, прежде всего девочки могут заметить, что крепдешин материал легкий, воздушный и, кроме того, городской. Таким образом Шукшин подчеркивает идеальность воспоминания о несостоявшейся любви, во-первых, а во-вторых, он, очевидно, обыгрывает звукосемантику слова “*креп-дешин-овая*”, подчеркивая душевность и духовность этого воспоминания. прим. авт. ст.]

— На какие вопросы пытается найти ответ герой рассказа? Удастся ли ему это?

— Случаен ли отбор частушек, которые вспоминает Алеша?

— Почему последним воспоминанием Алеши становится “стишок” его дочери?

— С каким чувством вы читали финал рассказа? Согласуются ли между собой последняя реплика героя и последняя авторская фраза?

— Кого из героев русской литературы напомнил вам Алеша Бесконвойный?

В качестве домашнего задания учащимся может быть предложено написать сочинение на одну из тем:

1. Чудики русской литературы.
2. Алеша Бесконвойный и Иван Северьяныч Флягин.
3. Как В.М.Шукшин рассказывает свои истории?
4. Наивность и мудрость героев В.М.Шукшина.

5. Быт и бытие — вечное и временное в рассказах В.М.Шукшина.
6. Душа — важнейшая категория рассказов В.М.Шукшина.
7. Слова и символы В.М.Шукшина.